

Действие пьесы происходит в течение одних суток, начиная с одного летнего утра и до следующего, в 2019 году, в деревне кряшен с названием Сарсаз Кюл (Озеро жёлтой глины).

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

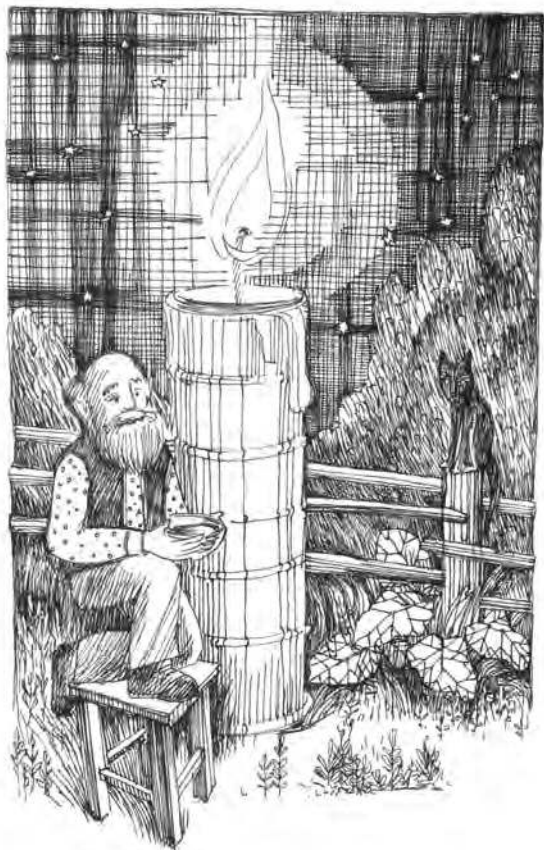
Раннее утро. Густой туман. Ничего не видно. Туман начинает медленно рассеиваться, проступает крестьянское подворье. Затем мы видим внутреннее пространство старого деревянного дома. Внутри дома МИКУЛАЙ завершает работу над изготовлением большой куклы, или же фигуры. Это образ молодой женщины. Фигура изготовлена из подручных материалов, подушек, старых тряпок, соломы и другого скарба. Фигура одета в национальную одежду кряшен, щедро обвешана украшениями, монетами. По размерам кукла больше самого Микулая. Он усаживает куклу на большой стул посреди комнаты. Стул, похоже, сколотил он сам, поскольку тот гораздо больше стандартных размеров. Микулай, поправляет одежду на кукле, разглаживает её лицо. Туман продолжает рассеиваться. Мы видим куклу натуральных размеров. Кукла сидит за столом. Руки на столе.

Микулаю примерно шестьдесят лет. Он в самой простой одежде. Заросший и волосами, и бородой.

— Мама... Это моя мама... Такая красивая... Глаза у неё какие красивые, глубокие... Как озёра... Кожа ровная, румяная... Самая приглядная женщина свете... Папа у меня тоже красивый. Не такой красивый как мама, конечно, но для мужчины просто красавчик! Я тоже красивый! В кого мне быть некрасивым! Какое лицо! Какой рост! Широкие плечи! Руки, ноги, голова, всё работает! Уши слышат, рот говорит, живот пищу перерабатывает, слава Всевышнему! Вообще, если говорить честно, все кряшены красивые. Я в своей жизни ни одного некрасивого кряшена не видел! Есть, конечно, инвалиды, кривые, косые, безрукие, но чтобы от природы родился некрасивый кряшен, такого не бывает. Я же и в городе бывал, в Казани, каких только там людей не повидал! А японцы?.. Я видел японцев по телевизору. Они же все одинаковые, на одно лицо, невозможно отличить одного от другого. Даже курицы все разные по внешнему виду, а эти японцы... Ни разу в жизни не видел двух одинаковых кряшенов... *(Идёт на подворье.)* Утром козу подоил, пойду, принесу молока...

Тем временем, туман окончательно рассеивается. Отчётливо видим подворье Микулая. На фоне привычных предметов деревенского быта посреди двора стоит огромная свеча. На вершине свечи горит фитилёк. Микулай выходит из дома. Подходит к свече, встаёт на табурет, выливает воду из плошки на фитиль, огонь гаснет.

— Я сам изготовил эту свечу... У нас же в деревне света нет... Уже много лет. А двор нужно как-то освещать. Чтобы и козе, и курам как-то веселее было. Да и несутся куры при свете лучше... И ещё есть одна вещь. Прямо над нами самолёты пролетают. Раньше не летали, сейчас легают. Каждый день десять самолётов, в одну сторону и в другую. Ровно десять туда, и десять обратно... Ночью лететь, наверное, страшно, ничего не видно. Во всей округе света нет... Вот и зажигаю я свою свечу. Пусть люди видят, что жизнь здесь не закончилась... У меня железные бочки из-под солидола остались. Я туда плавленный воск заливаю, а внутри канат, вот и получается большая свеча. Когда-то давно у нас в деревне свечной завод был, остался целый склад воска. Одной свечи на полгода хватает...

Микулай уходит в сарай. Рядом с домом Микулая ещё несколько подворий с деревянными домами и хозяйственными постройками. В разные стороны уходят две улицы. По обе стороны улиц дома, различные деревянные здания. Улицы выходят в поля, которые обрамлены заросшими густым лесом возвышенностями. И повсюду в домах, зданиях, на улицах, в полях видны изображающие людей куклы-фигуры. Они самых разных размеров, от совсем маленьких до человеческих, в разных позах и движениях. Куклы сделаны из разных материалов, из дерева, соломы, тряпок, железок, любых существующих в домах предметов. Большинство кукол в традиционных национальных одеждах кряшен. Микулай выходит из сарая с банкой молока в руках. Заходит в дом. Наливает молоко в деревянную маслобойку, начинает толочь мутовкой...

— Имя у меня тоже красивое... Микулай!.. Такое имя мне маменька нашла. Вообще, в паспорте у меня другое имя, Николай. Но мы же кряшены, мы по-татарски говорим, поэтому и имена по-татарски звучат. Маменька с любовью говорила, Микулай-й-й!.. Ми-ми-ми-ми, красивая нота! Кулай! Кулай, значит, удобный, сподручный, со мной можно жить! Маменьку звали Марина! Не МарИна, а Марина! (Ударение на последний слог.) Отец Вэчли! По паспорту Василий, в жизни Вэчли, вот так! Я же не только красивый кряшен, но ещё и богатый! Ужасно богатый! Может быть, один из самых

богатых людей в мире! У меня восемнадцать домов! Нет, девятнадцать. Это если считать целые дома, в которых можно жить. В каждом доме хозяйство да баня! А ещё тринадцать разрушенных домов. У меня свой магазин, фельдшерский пункт, своя школа, контора, деревянная церковь, правда, без колокольни, но ещё крепкая, хорошо стоит... Ещё есть конная ферма, свиноферма, яблоневый сад, пасака! Сверх того, у меня около тридцати гектаров земли! Да ещё какой земли! Кормилица земля, что ни воткнёшь в неё, всё растёт! У кого ещё есть такие богатства?! А вокруг нашей деревни! Сплошные леса, да горы! Красота неопишущая! А внутри земли нефть! Вон, по всем горам нефтяные вышки стоят! Где ты ещё найдёшь такой земной рай?!.. Вот только одного не хватает моей деревне... Озеро!.. Раньше посреди деревни было большущее озеро! Вода чистейшая, прозрачная! Я был очень маленький, но помню эту чистоту... Рыбы, лягушки, головастики, пиявки, даже черепахи жили в этом чудном озере. Рыбы было так много, что в воду без трусов не войдешь!.. В один день небо стало чёрным, эта чернота стала опускаться вниз... Все дети испугались и разбежались по домам... С неба опустился чёрный столб, прямо на озеро. Столб стал кружиться и поднимать озеро наверх. Вместе с рыбами, лягушками, головастиками, пиявками и даже черепахами. На следующий день поднялось солнце, и дно озера стало сухим... Может быть, после этого люди стали уезжать из деревни?.. Уезжать и умирать?.. Правильно, как же можно жить в деревне, где нет озера? Так что, не такой уж я и богатый, у меня нет своего озера... А люди уезжали из деревни. Кто на Север, кто на Юг, кто в Казань. Уезжали работать, учиться, лечиться, жениться... И никто не возвращался обратно. Те, кто остался, все умерли. Не осталось в нашей деревне ни одного человека. Всех своих односельчан, кого я помнил и не помнил, я сотворил в таком вот виде... Из старых тряпок, кожи, подушек, поленьев, посуды... Когда люди уезжают, они, почему-то всё оставляют в своих домах. Ничего с собой не забирают, даже фотографии. Вот они, мои односельчане, живые и мёртвые, все передо мной!.. Может быть, они собираются вернуться? Я же живу здесь, даже без озера... Вода, слава Всевышнему, в колодце есть всегда... Пойду, выгружу молоко в ледовый погреб...

Микулай с маслобойкой уходит в сарай. Через какое-то время возвращается с плоской, наполненной картошкой. Моей картошку, разводит огонь в уличной печи. Вымытую картошку выкладывает в чузунук, ставит на огонь. В небе слышен звук самолёта.

— Третий самолёт пролетел... Сейчас буду варить картошку, надо покушать... Когда я был маленький, появился колорадский жук. Все говорили, что этот жук живёт на одном месте двенадцать лет. Я просчитывал каждый год. Прошло двенадцать, двадцать, сорок лет... Я собираю жука руками, потом сжигаю в огне... Поэтому картошка мелкая. В детстве, до появления жука, картошка была ого какая! Вот такая!.. Картошку варю нечищеную. Так, говорят, полезнее...

Микулай заходит в дом, встаёт перед куклой матери.

— Я очень хорошо понимаю отца... Он увидел тебя и сразу полюбил. Разве можно было не любить тебя... И свадьба была, и венчание... Маменька! Тебе двадцать лет!.. Я сидел в твоём животе больше года, пятнадцать месяцев! Ты носила меня как самка верблюда, пятнадцать месяцев! Видать, мне было так хорошо в твоём животе, что я не хотел выходить! А ты терпела меня в себе, хотела продлить моё удовольствие! Ни лекарь, ни повитуха не могли ничего поделывать! Я родился и ты в этот же день умерла! Я пришёл в этот свет с длинными волосами, зубами и ногтями! Отец рассказал мне, родившись, я протянул руку к огурцу. Он дал мне его и я начал его грызть... Прости меня, мама. Тебе было всего двадцать лет...

Микулай какое-то время молчит, затем поворачивается к кукле отца.

— Кряшены как-то по-особенному любят детей. Мне кажется, что ни один народ в мире не любит так своих детей как кряшены... Мой отец был совсем молодым, когда маменька ушла из этого мира. Мы остались вдвоём... Отец работал пастухом. Тогда в деревне было большое стадо. Коровы, овцы, лошади... Отец часто брал меня с собой. Тогда я твёрдо решил, что буду таким же, как отец, тоже буду пасти скот... Это была моя мечта. Интересно, кто-нибудь из людей в этом мире мечтал стать пастухом? Но даже этой мечте не суждено было сбыться... Я вырос. Но коровы, лошади, овцы и даже свиньи исчезли... Мне было так хорошо с отцом... Так весело, уютно, тепло... После моего рождения в нашем доме не появилось ни одной женщины, отец не пришёл. И сам отец тоже никуда не ходил. Потому что он очень сильно любил меня. Жалел. Щадил. Я же был ребёнком, который рос без матери... Спасибо тебе, отец...

Микулай выходит из дома. Подходит к уличной печи, снимает чугунок, ставит его на стол. Приносит из дома тарелку, ложку, чашку с маслом, соль. Садится кушать. По двору распространяется аромат свежесваренной картошки. Микулай кушает с большим аппетитом, смачно причмокивая. Звук самолёта.

— Четвёртый пролетел... Мы, кряшены, не очень большой народ. Мы не китайцы, нас не так много. Поэтому каждый человек на счету... Но нас никто насильно не крестил. Нельзя насильно изменить веру человека. Мы всегда верили в пророка Иисуса... Когда-то мы жили на далёких землях и кочевники угрожали нашему народу. Поэтому мы пришли к татарскому народу... Татары сильный народ, нам было спокойно и безопасно... Мы изучили татарский язык, стали жить вместе с татарами. Позже нас стали татарами называть... Я не против... Народ должен быть сильным и многочисленным. Иначе задавят, уничтожат...

Микулай доедает, вытирает рукой губы, убирает посуду. Встаёт, выходит на улицу. Идёт по улице. На траве лежит фигура мужчины с радостным лицом. В руках бутылка с мутной жидкостью.

— Шашук, самый счастливый человек в Сарсаз Кюле... Ни одного дня не был трезвым. И спал всегда с открытыми глазами! Чудо-человек!

Микулай идёт дальше.

— Надо проверить электрическую систему... Правда, у нас в деревне света нет. Но могут дать в любую минуту! Поэтому все провода, все лампочки должны быть в рабочем состоянии, и дома, и на улице. Иначе дадут резко свет, а я и не узнаю — лампочки перегорят. Поэтому каждый день я проверяю все лампочки в деревне. У меня дома даже магнитофон включённый стоит, даже кассета вставлена. Включат свет, у меня сразу музыка заиграет. Ни света, ни дороги в деревне нет... Думаю, может, поэтому никто не возвращается. Ни озера, ни дороги, ни света! И от Казани, к тому же, далеко! Целых четыреста километров! Это только на самолёте быстро, а на машине целый день добираться. А если и доберёшься?.. У нас же вокруг деревни глина, после дождя утонуть можно. И деревня у нас называется Сарсаз Кюль! Сары саз! Жёлтая глина! Я думаю, что из-за этой глины и жили здесь всегда спокойно. Кряшены — мудрый народ! Какой враг, какой кочевник сможет сюда добраться! Здесь же в непогоду даже на тракторе, даже на танке не проедешь! А если бы и добрались досюда кочевники, то что здесь заберёшь?! Козу? Кур? Плётку?.. Заберёшь ты козу, как её тащить до Монголии?! Не знаю даже, откуда они совершали эти набеги? Если бы в сорок первом году фашисты не замёрзли под Москвой, и дошли до Сарсаз Кюля, то война закончилась

бы именно здесь! Они бы все здесь потопли вместе своими танками и пушками! Ни один враг не сможет пройти дальше Сарсаз Кюля, вот так!.. Так что нет ни света у нас, ни дороги! Конечно, ради меня одного никто давать свет, прокладывать дороги не будет! Один человек не в счёт! А сколько нужно людей, чтобы дали свет, открыли дорогу? Пять, десять, тысяча? Есть ли такая норма, чтобы к человеку относились по-человечески?.. Если бы я был хозяином страны, я бы каждому человеку давал свет и прокладывал к нему дорогу...

Микулай подходит к маленький избушке. У избы четыре окна. К каждому окну прилипли по несколько мальчишеских фигур, слепленных Микулаем. Изба буквально облеплена этими подростками. Мальчишки заглядывают в окна, у некоторых лица повернуты назад. На этих лицах застывший восторг.

— Дом Анфисы... А это всё мои друзья. Деревенские мальчишки, вместе с которыми я рос. Каждую ночь мы стремились попасть сюда. Этот дом был для нас самой главной школой жизни! Анфиса была нашей любимой учительницей. Она учила нас получать удовольствие, учила нас жизни, учила любви. Каждую ночь мы прилипали к этим окнам и тихонько стучали по стеклу. В доме загоралась свеча, и в одном из окон появлялось лицо Анфисы. Это было самое прекрасное лицо на свете. Такие лица я видел только на иконах в больших каменных церквях... Она манила пальцем одного из нас. Счастливчик шёл к двери, она открывалась и этот шалопаи попадал в мир райских наслаждений. Мы никогда с друзьями не ругались, терпеливо ждали своей очереди. Мне такое счастье выпадало редко, всего несколько раз... Ранним утром отец встречал меня на подворье и долго порол пастушьей плетью, потому что он отлично знал, где я провёл эту ночь. Я кричал, вопил от боли, извивался, но безумно радовался своей счастливой судьбе... Только два человека из нашей деревни не ходили к Анфисе в гости. Это Григорий, он стал известным писателем. Как уехал из деревни, больше мы его не видели. Вторым, это Пётр, он вырос в большого начальника. Вот он мог бы решить вопрос со светом и с дорогой. Видать, не хочет!.. Григорий, писатель, никогда к Анфисе близко не подходил. Я всегда думаю, о чём он может писать, если он не прошёл через любовь Анфисы! Что он может знать об этой жизни? Мне кажется, что всю жизнь он изучает через книгу! У него на чердаке я нашёл книгу. Антуан де Сент Экзюпери! Ночной полёт называется! Я тоже многое узнал конечно, хорошая книга!.. А этот мерзавец Пётр приходил к дому Анфисы! Днём, пока нас нет, и писал на воротах «Анфиса — блядь!» Мы его били. А он всё равно приходил. Приходил и писал, приходил и писал, а мы его били и били! А вот же он сам!..

Микулай снимает с забора совсем маленькую куклу подростка со злым лицом. Он бросает эту куклу наземь, несколько раз пинает её, потом выбрасывает далеко в поле. Подходит к воротам и стирает надпись «Анфиса — блядь!» Идёт к двери в избушку и открывает её. Там стоит кукла прекрасной молодой женщины в нижнем белье. Микулай недолго смотрит на неё и закрывает дверь.

— В один из вечеров в этом доме горел свет. Мы прилипли к окнам. Анфиса стояла на коленях в углу и молилась. В этот вечер она не подошла ни к одному из нас. Мы пришли и на следующий вечер, и на другой, и ещё долго приходили... Анфиса больше не пустила к себе никого. Примерно через полгода она родила ребёнка и уехала из деревни. Мы все выросли. В деревне было много девушек, так что опыт Анфисы ещё как нам пригодился! Потом настал 80-й год. Моих друзей стали забирать в армию. Многие ушли в Афганистан. Я тоже просился, даже заявление писал. Но у меня была позорная болезнь. Энурез... Моя простыня по утрам была мокрой. Чего я только не

делал, даже верёвкой перевязывал свой член... Вскоре стали приходиться гробы. Цинковые. Половина из них вернулась в гробах. Остальные просто не вернулись. Кто остался в армии по контракту, кто-то поступил учиться, кто-то устроился на работу в Казани, в Челнах... Приезжали только на Покров, Троицу и Питрау... А сейчас и праздников не стало...

Художник Нико Пиросманишвили имел в творчестве такую логику: хороших людей я рисую крупно, а плохих мелко. Примерно такая же логика была у Микулая: самых дорогих людей он воссоздавал крупно, тщательно, мерзавцев, ничтожных людей изображал в виде маленьких, простеньких кукол. Все куклы Микулая с широко открытыми глазами.

Микулай возвращается на своё подворье. Заходит в курятник. Выходит с полной плошкой яиц. Там ровно десять штук. Вид у него счастливый. Он разбивает скорлупку, сыплет крупную соль и сочно выпивает яйцо. Не торопится. Затем выпивает остальные десять.

— Как же хороша деревенская жизнь!.. Только я захожу в курятник, одна из кур сносит новое яйцо! Его же нужно выпивать именно в свежем виде! Пока оно ещё тёплое! Курица же теплее человека, особенно несушка, поэтому и яйца несёт тёплые! Нужно успеть употребить! Кто в городе может позволить себе такое удовольствие? Только эти... Как ещё... Алигаторы... Агрегаторы... Алигархи! Точно! Не хуже алигарха живу!..

В небе слышен звук самолёта. Микулай жмурится, смотрит на небо.

— О, пятый самолёт пролетел? Алигархи летят! Тёплого куриного яйца им не принесут! Кто-нибудь подаст им в самолёте парного козьего молока? Так кто же есть настоящий алигарх? Конечно же я! Я давно уже где-то слышал, что самые богатые люди в мире живут без сотовых телефонов и интернета! Так это же я! Ни телефона у меня, ни интернета! Так что я со всех сторон подхожу под алигарха!..

Микулай заходит в дом. На подоконнике стоит катушечный магнитофон.

— Вот мой магнитофон! Жалко, что без света не работает... Даже кассета вставлена. С хорошей музыкой. На английском языке. Когда мы росли, такая музыка была в моде. Ни слова не понимали, всё равно слушали... Мода! Я даже выучил одну песню. Эстердэй называется... Хорошая песня, грустная, монлы...

Микулай подходит к кукле отца. В руках отца гармонь, на голове кепка. Микулай долго смотрит на отца. Обнимает. Поднимает. Переносит к кукле матери, сажает рядом. Кукла отца значительно меньших размеров. Кладёт руку отца на пояс матери.

— Отец... Мой дорогой отец... Как ты меня порол... Как хорошо ты меня порол... Это были самые счастливые дни в моей жизни. Если бы я был отцом, я бы тоже своего сына порол. С большим удовольствием... Ты всё привык делать обстоятельно, не торопясь. Ты выбрал в колхозном стаде родившегося бычка и принёс его зимой в наш дом. Этот младенец спал у нас на полу, сосал молоко из соски. Такой беспомощный, тёпленький, я иногда ложился на пол рядом с ним. Я тогда даже подумать не мог, что из этого незащитного существа вырастет свирепый бык. Я его боялся, трусил даже подходить к нему. Когда ты гнал Борика по улице, такое имя было у быка, все люди прятались за своими воротами! В один из дней появился странный запах... Он шёл из твоего рта... Нет, я знал, как пахнет водка, самогон, успел попробовать. Я даже знал как пахнет перегар изо рта алкашей... Но это был совсем другой запах, неожиданный

для меня. Ты же никогда не пил, ни разу, ни по какому празднику. Ты не хотел, чтобы я увидел тебя пьяным. Это был запах предательства. В тот день я понял, что скоро в нашем доме появится женщина. Я уже вырос и отец может себе позволить какие-то удовольствия... В тот день отец был весёлым и красным. Даже глаза были красные как у быка. Отец пошёл кормить Борика. Я вышел за ним во двор. Отец зашёл в абзар... Тишина... Затем раздался сдавленный крик. Я бросился в хлев. Отец стоял прижатый к стене. На груди у него была голова Борьки... Одного рога не было видно. Отец смотрел на меня широко открытыми глазами. Он стоял на ногах и смотрел на меня, будто не мог насмотреться... Я никогда не мог понять, зачем умершему человеку закрывают глаза. Если человек ничего не хочет больше видеть, он умирает с закрытыми глазами. А если глаза человека открыты, значит, он хочет посмотреть на этот мир. Отец смотрел на меня, его глаза были живы...

Вскоре пришли соседские мужики, связали Борьку, повалили на землю, перерезали горло. Весь пол абзара был в крови... Отца занесли в дом, закрыли ему глаза.

Я умру с открытыми глазами. Потому что даже после смерти я хочу смотреть на этот мир. Я буду самым счастливым из покойников, потому что никто не сможет закрыть мне глаза, поскольку вокруг меня нет ни одного живого человека...

Мясо Борьки я не ел, раздал соседям... Не мог же я есть мясо своего друга, с которым спал на холодном полу... Не мог же я есть мясо чудовища, которое убило моего отца...

Микулай подходит к фигуре отца, снимает с его плеча гармонь, берет её в руки. Надевает себе на голову его кепку. Выходит на улицу.

— Вот так, с гармонью в руках, шёл по улице молодой Вэчли! А вслед за ним выстраивалась вся деревня! Дети, бабушки, дедушки, его друзья, но самое главное — все деревенские девушки! Сколько было радости! И запевал он эту песню! Вся деревня хором подпевала, так пел Вэчли! Эх!.. Эх, как он пел!

Микулай запекает народную кряшенскую песню «Париж, Париж» («Пыяла кукэй»), лихо играет на гармонии. Никто за ним не идёт...

Пыяла кукэй тэгэрэттем, Аппагым, (2)
Париж, Париж, Парижларга житсен дип, (2)
Сэлэм хатлары жибэрдем, Аппагым, (2)
Париж, Париж, Парижларга житсен дип. (2)

Ат остендэ бик куп йордем, Аппагым, (2)
Каеш, каеш, каеш дилбегэ тотып, (2)
Бу доньяда бик куп йордем, Аппагым, (2)
Кайгы, кайгы, кайгы хэсрэт белэн. (2)

Ат аягында богау бар, Аппагым, (2)
Богау, богау, богау кисэр игэу бар, (2)
Монайма баш, тугелмэ яшь, Аппагым, (2)
Мон кисэргэ, Мон кисэргэ жыру бар. (2)

Сыгылма каен астында, Аппагым, (2)
Чэчен, чэчен, чэчен тарый бер матур, (2)
Чэч очлары сары алтын, Аппагым, (2)
Саргайтадыр, саргайтадыр шул матур. (2)

Микулай идёт по улице, доходит до бывшей деревенской церкви. Перед входом в церковь стоит огромная фигура Попа. Микулай останавливается, откладывает гармонь в сторону.

— Я никогда его не видел... Все попы похожи друг на друга. Думаю, что наш отец Филипп был именно таким. Когда я начал шить эти куклы, я думал, что больше всего моих односельчан я поставлю на этом месте, возле церкви, рядом с попом... Но я никого не смог поставить рядом... Я вижу тебя одиноко стоящим возле разрушенной церкви... Когда-то ты учил всех праведной жизни, учил людей молиться, крестил новорождённых, отпевал усопших, ты был святым отцом для жителей деревни. Ты был самым уважаемым человеком. Но сто лет назад, всего лишь сто лет назад сюда пришли люди с красными флагами, вытащили тебя из храма божьего, привязали за ноги к лошади и таскали с криками по всей деревне. Во, был какой праздник! Всего лишь сто лет прошло! Ещё были живы наши бабушки и дедушки! А после этого, тебя, ещё живого, сбросили в озеро, на самую середину. Отвезли на лодке и сбросили! Ты ещё дышал!.. Поэтому я не смог никого из твоих односельчан поставить рядом с тобой. После этого они разрушили колокольню, разворовали иконы, а в церкви сделали склад. Мусорку! И воск со свечного заводика тоже здесь сложили. Я здесь беру воск для своих свечей... Вообще-то в историю с озером я не очень верю. Когда чёрный столб унёс озеро и дно совсем высохло, я часто бывал там. И не нашёл твоих костей... Либо чёрный столб унёс твои кости вместе с озером... Либо ты, как истинный Святой, как Иисус Христос, вознёсся на небо, до того, как утонул в озёрной воде. Прости всех нас, если сможешь, отец Филипп... Когда настанет зима, я занесу тебя в церковь, там будет теплее...

Микулай бредёт по улице дальше, гармонь висит на плече. Подходит к столбу, представляет лестницу, поднимается и проверяет лампочку наверху столба. Спускается, идёт дальше. Подходит к дому, где жил будущий писатель Григорий. На заборе сидят небольшие фигуры. Это сам Григорий, его жена и пятеро детей.

— Это дом писателя Григория... Мы росли вместе, но я его совсем не знаю. Его отец, дядюшка Андриян, был учителем в школе, в которую мы ходили... Его дедушка, дядюшка Гена, был директором этой школы. Его расстреляли в 38-м году. Григорий закончил школу, уехал в Казань учиться и не вернулся. Приезжал несколько раз, но я его не видел... Несколько раз я заходил в этот дом, проверить проводку, заменить лампочки. Он ничего не оставил. Кроме одной книги. Антуан де Сент Экзюпери... «Ночной полёт». Я читаю эту книгу каждый день... Зачем ты уехал, Григорий? Ты же писатель. Можно жить в деревне и писать. Ни твой дед, ни твой отец не бросили деревню. Вон, оба лежат на нашем кладбище! Ты уехал из-за того, что улетело озеро? Так ты же в нем не купался! Ты даже на рыбалку не ходил! Что ты за странный человек?! О чём ты вообще можешь писать? Ты же ничего не знаешь о жизни! Ты же яблоки воровать с нами не ходил! Драться с соседними деревнями не выходил! На питрау не боролся, в скачках не участвовал! Ты даже к Анфисе не ходил! Думаешь, школа твоего дедушки была настоящей? Нет, школа Анфисы была настоящей! Если бы я был писателем, я бы никогда про тебя книгу не написал, потому что писать о тебе нечего! Вот про Антуана Экзюпери можно написать, весь народ будет читать! Что ты сам можешь написать? Я знаю, ты все придумываешь! Даже Анфису! Но Анфису нельзя придумать! Её нужно знать, живую, тёплую, настоящую! А без Анфисы какой может быть интерес в твоих книгах? Ты уехал в Казань и женился на русской девушке! С квартирой! Хорошо устроился! У тебя пятеро детей! Все носят фамилию Москвин! И все в Казани думают, что твои дети русские! А они же крышены, потому

что ты сам кряшен, Григорий Москвин, это твоя кровь! Мы же маленький народ, мы вообще можем скоро исчезнуть! Эй, если вы встретите в Казани человека с фамилией Москвин, знайте, что он кряшен! Точно так же Портнов, Родионов, Гаврилов, Егоров, Симашев, Юкачев, Тавлинов, Дунаев! (*Загибает пальцы.*) Десять фамилий из Сарсаз Кюл! (*Назвал девять.*) Это всё кряшены, но не русские! Эй вы, знайте, половина Казани — это кряшены!.. (*Пауза.*) Извини, Григорий! Я очень жду тебя, Григорий Москвин! За домом твоим я присматриваю, не переживай. Крыша не течёт, фундамент стоит ровно, проводка в порядке, я проверяю, так что жить можно. Привози жену, детей, научим их родному языку. Книги свои привези. Я же ни одной твоей книги не читал!.. Может, я зазря тебя ругаю... Может, ты пишешь даже лучше чем Экзюпери?

Микулай с гармонью на плече бредёт обратно по улице. Останавливается возле маленькой избушки Анфисы. Кладёт гармонь на землю. Смотрит на прилипших к окнам подростков. Подходит к одному из них, поднимает за плечи, несёт фигуру к двери.

— Идём, Ардук (*Аркадий*), дружище, идём! Ты так хотел быть счастливым... И ты должен был стать счастливым, Ардук... Если бы не война... Если бы не случилась война...

Микулай резко открывает дверь избушки и буквально забрасывает туда фигуру Аркадия. Затем идёт к окнам, снимает фигуры подростков и сажает их на землю, приклонив к завалинке дома. Присаживается на скамейку.

— Не торопитесь, дружки мои... Будет и на вашей улице праздник... Я тоже жду её... Если бы она вернулась, я бы, наверное, женился на ней. А чего мне не жениться? Я ещё не старик... А её ребёнок... Её ребёнок может быть и моим. Нет, он может быть и вашим, любого из вас. Но я почему-то думаю, что это мой ребёнок. Точно мой! Потому что эта ночь была как сказка! Половину ночи я поднимался по какой-то волшебной горе... Высокая гора, такая как Фудзияма. Поднялся. Поцеловал у Анфисы сосок и половину ночи спускался обратно... Даже если ребёнок Анфисы не мой, я всё равно буду считать его своим. Вы же все мои друзья. У татар в древние времена был такой обычай. Если мужчина уходил на войну и не возвращался, то кто-то из близких должен был жениться на его жене. Особенно, если у него оставались дети. Так что я даже должен жениться на Анфисе! Анфиса была бы хорошей женой. Она красивая, чистоплотная, горячая в постели, готовит хорошо. Такая, как Анфиса, никогда не будет гулять от законного мужа, потому что она нагулялась, на всю свою жизнь нагулялась! Прекрасная будет жена!.. Вот только как её теперь найти? (*Встаёт, осматривается по сторонам.*) Я гляжу, у Анфисы нужника нет. Не то что женщине, даже мужику без нужника никак нельзя! Это нас татары этому научили. Такой порядок! Вроде бы никого в деревне нет, всё равно стыдно. Особенно женщине! Да и самолёты летают! Всякое может быть! Анфисе надо нужник соорудить, так она быстрее вернётся! Пойду домой, материал подберу, завтра с утра займусь стройкой...

Микулай идёт в сторону своего дома. Проходит мимо пьяницы Шашука. Проходит на подворье, заходит в дом. Ставит гармонь на скамейку. Смотрит на фигуры отца и матери. Поправляет матери платок.

— Моя бабушка, бабушка Уксинэ (*Аксинья*) всё время приговаривала, если мужик остаётся без бабы, он долго прожить не может. Вот баба без мужика терпит, а мужик никак! Умирает! Если только пить не начнёт! Как Шашук! Ему же кроме огненной жидкости ничего не надо!.. Но я думаю по-другому. Мне кажется, что мужик умирает, потому что хочет быстрее попасть к своей любимой. Он торопится к ней, поэтому и зовёт свою

смерть! Но если так рассуждать, то получается, что я тоже должен торопиться к своей жене, я же тоже её потерял. Но я к ней не тороплюсь, мне и здесь хорошо... Может, я её не любил, если я не спешу умирать? Вот об этом надо подумать! Вообще, я смерти не боюсь. Для умирающего смерть не страшна. Она страшна для тех, кто остаётся. Если после меня никто не остаётся, то и бояться нечего! Никто после меня ни плакать, ни страдать, ни убиваться не будет! Моя смерть не принесёт никому горя и страданий, поэтому это будет счастливый миг... Даже Анфиса горевать не будет! Она вообще про меня ничего не знает! Не знает, что я могу быть отцом её ребёнка! Для неё это не имеет значение. Самое главное, что у неё есть сын! Пусть живёт и не горюет! Я умру тихо, спокойно, и никто не закроет мне глаза... *(Задумался.)* Ладно, что-то попа зачесалась, пора баньку топить.

Микулай выходит из дома, идёт к поленнице, набирает охапку дров. Идёт к бане. Баня низкая, без трубы, топится по-чёрному. Микулай заходит в баню. Открывает настежь дверь, окна. Из бани начинается валить дым. Появляется Микулай в нижнем белье. Он подходит к колодезю, спускает ведро, набирает воду, поднимает ведро. С ведром в руках.

— У кого ещё в этом мире есть такая баня? Сруб из столетней сосны! Потолок из осины! Камни-валуны со дна нашего озера! Веники! Молодой дуб и травы с наших полей! Вода изумрудная!.. Вода изумрудная!.. Жемчуг!.. Я алигарх! Я алигарх!..

Микулай выливает на себя одно ведро воды за другим, восторженно кричит при этом. Подворье заполняется белым дымом...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Подворье Микулая. После полудня. Тишина. Сгустки либо дыма, либо осевшего пара. Микулай сидит в старом кресле. На нём потрёпанный махровый халат с заплатками. Ноги, в белых валенках, закинута на стол. На голове широкая шляпа. В одной руке книга Экзюпери, во второй самокуртка, свёрнутая на манер сигары. Микулай затягивается «сигарой». Рядом стоит старинный самовар с трубой, валит дым. На печи стоит казан, под ним горит огонь. Микулай читает книгу, произносит текст по-русски, медленно, с паузами, иногда по слогам, с сильным акцентом.

— Где-то ведут сейчас борьбу почтовые самолёты. Ночной полёт тянется долго, словно болезнь. Возле самолёта надо дежурить, как у постели больного... Я больше ничего не видел. Конечно, радио сообщало, это верно... Но бортовой огонь почти исчез, я даже не видел собственных рук. Хотел включить головную фару, чтобы хоть крыло самолёта разглядеть, всё такая же тьма. А тут ещё мотор стал барахлить... Хотел набрать высоту — попал в завихрение... Вместо того чтобы подняться, я потерял сто метров. И уже не видел ни гироскопа, ни приборов. И всё это в темноте. Как болезнь... Ну и обрадовался я, когда увидел освещённый город! *(Ухмыляется.)* Ну и даёт этот Экзюпери! Мне кажется, он в молодости тоже к девкам бегал!

В небе пролетает самолёт. Микулай откладывает книгу.

— Седьмой... Пусть летают... Пусть смотрят... Пусть завидуют... Я так каждый день живу. Я привык... *(Наливает чай, берёт ложкой мёд из банки.)* Мёд свой... У меня же своя пасека. Липовый мёд... Какой же ещё? Там же одни липы растут!

(Подходит к казану, поднимает крышку.) Так, так... Сегодня у нас грибной суп. Грибы белые, свои, из леса, чуть-чуть подсушенные... Вода своя, из колодца. Так, так...

(Проверяет ингредиенты на столе, помешивает суп половником.) Конский щавель, свой, собран на улице! Картошка своя! Покрошена мелкими кубиками! Корень петрушки свой! Со своего сада! Морковь, укроп, всё своё! Каймак тоже свой! Красный перец сам вырастил, свой! Соль тоже своя! Я же купил её в магазине, в районе... Всё своё, суп тоже свой!.. Ах, какой аромат! До самого неба поднимается, до самолёта! (Подходит к казану, наливает две тарелки супа, ставит на стол, начинает кушать.) Это мне!.. Это тоже мне!.. (Чистит большую головку чеснока, смачно откусывает.) Чеснок тоже свой, с огорода, на навозе вырос... Готовить такой знатный суп на одного — это большая бессмыслица. Супа-то много, а рот один! Вот если бы два рта было! Или же три! А ещё лучше пять или десять! Одна выгода от приготовления такого супа! На десять ртов. Все кушают... Чавкают! Кто-то любит жидкий бульон, кто-то гущину, как кашу... Все вытирают рот рукавом, салфеток в нашем доме нет. (Принимается за вторую тарелку.) Ничего, такой знаменитый суп не пропадёт! Я его сам съем, и бульон, и гущину! Бабушка Уксина говорила, что настоящий суп только на второй день свой вкус набирает, а уж истинный аромат появляется только на пятые сутки. Погреб у меня хороший, так что не пропадёт хороший суп. (Доедает. Вытирает рукавом рот, убирает тарелки.)

Микулай заходит в дом, переодевается в уличную одежду. Выходит из дома.

— Я пошёл к Журавлёвым!.. (Прислушивается.) Тишина!.. Всегда было так. Когда я выходил из дома, отец говорил мне «не запаздывай!». В этом его «не запаздывай!» был глубокий смысл. Для меня это звучало как «береги себя», «я тебя очень жду», «ты мой единственный», «мне с тобой очень хорошо», «люблю тебя, сынок»... Когда я уходил к Журавлёвым, отец не говорил ни слова, потому что не любил Журавлёвых. А они были нашими самыми близкими соседями, общий забор. Они Журавлёвы. Мы Портновы. Жили Журавлёвы и Портновы по соседству много-много лет, наверное даже много веков. Отец не любил их, но уважал как соседей. Он был обязан их уважать!.. (Громко.) Я пошёл к Журавлёвым! (Прислушивается и выходит.)

Микулай выходит на улицу. Напротив дома, в траве лежит ещё один алкаш, Былудка (Володя). Рядом с ним бутылка, на лице улыбка.

— О, Былудка! Ещё один счастливый человек! Это лучший друг Шашука! Они никогда не встают на ноги! Перемещаются по деревне ползком! Если подумать, очень удобно. Никогда не упадёшь, ногу, руку не сломаешь, шею не свёрнешь! Да и засыпать удобно, не нужно ложиться. Там где остановился, там и уснул! Умели они вкусно жить, Шашук и Былудка. Вся деревня любила их, подкармливала...

Микулай подходит к соседнему дому Журавлёвых. Приличных размеров, крепкий ажурный дом, с резными наличниками. Перед высокими воротами выстроена группа фигур. Журавлёвы, которых знал Микулай. Старик Мэркум (Меркурий), маленький, сухой, с повязкой на одном глазу. Уртэмэй (Артеми́й), крепкий мужчина средних лет. Палукай, жена Уртэмэя. Анук (Анна), Анич (Анисья) и Барук (Варвара), их дочери. Все трое беременны. Отдельно стоят три фигуры Нэчтук (Настя), маленькая, средняя и большая. Вокруг фигур Журавлёвых, на земле, выложена детская железная дорога. Большой игрушечный паровоз, несколько пассажирских вагонов.

— Это Журавлёвы, наши соседи... Самый старый Журавлёв, дядюшка Мэркум. Он рассказывал, что его отец умер на русско-турецкой войне. Это 1877-й год, я в школьной библиотеке прочитал. А сам он умер три года назад, в 2016 году. Получается, что ему было как минимум 140 лет!.. Вот так вот! Получается, что простой крышенский мужик Мэркум Журавлёв прожил дольше всех на свете! По статистике кто-то там прожил

120 лет! А дядюшка Мэркум 140! Какая там Япония, какие горы Кавказа, только у нас это возможно в деревне Сарсаз Куле!.. Здесь нет ни моря, ни гор, ни мягкого климата, а человек прожил сто сорок лет! Не нужно забывать, что всю жизнь курил и пил самогон! Иногда вместе с Шашуком и Былудкой ползал! Питался всю жизнь чем попало! Никогда врачам не показывался. Все зубы на месте были, умер со здоровыми зубами! Да и умер он не по своему желанию. Провалился в погреб и пролежал там три дня. А до этого бегал как молодой козлик! Я его сам в погребе нашёл. В деревне уже никого не осталось. Сам отпевал и сам похоронил... С открытыми глазами похоронил... Точнее, с открытым глазом. У него же всего один глаз был. Родился таким. Поэтому его в армию не брали. А войн в его судьбе было много. Японская война, первая мировая война, гражданская война, вторая мировая война... Всех мужиков забирали на войну. А дядюшка Мэркум оставался в деревне! Он был маленький, высохший, одноглазый, пропахший водкой и табаком, но женщины его всё равно любили. Потому что других не было! Говорят, что был дядюшка Мэркум ходоком по всем деревенским избам. А что было делать? Как-то надо было жить! Так что долгая жизнь — это вам не море и не горы, это жизнь без войны! Мой отец как-то сказал мне, что не верит, что дядюшка Мэркум родился без глаза. Отец считал, что дядюшка Мэркум сам себе выколол свой глаз. Чтобы остаться в живых... Чтобы продолжить свой род... Может быть, из-за этого глаза мой отец ненавидел всех Журавлёвых. Наши деды уходили же на фронт и не возвращались. Может, мои тоже прожили бы 140 лет. *(Задумывается на какое-то время. Продолжает рассказ.)* Это дядюшка Уртэмэй, внук дядюшки Мэркума. Для германской войны родился поздно, для афганской рано, поэтому остался в живых... Всю жизнь был охотником. Я с детства любил их дом, потому что здесь было много ружей, и собаки борзые. Дядюшка Уртэмэй ходил на зайца, лису, бобра, волка. Говорят, в молодости он даже медведя брал. Я не мог понять, откуда в нашей деревне взялись эти худые, гибкие, горбатые собаки. Они не были похожи на наших акбаев и каратушей, поэтому борзые старались держаться от них подальше. Однажды осенью на наше озеро спустились два лебедя. Спустились отдохнуть, далеко им было лететь в тёплые края. Неподдалёку от озера шёл дядюшка Уртэмэй. В руках у него был топор. Он не раздумывал ни одного мгновения. Резко побежал к озеру, забежал в воду и кинул топор в одного лебедя. Лебедь птица большая, крылья широкие, взлетает медленно... Топор дядюшки Уртэмэя попал лебедю прямо в грудь. Второй лебедь долго кружил над озером высоко в небе, затем скрылся из виду... Наш сосед отнёс мёртвую птицу домой, вернулся обратно с ружьём. Спрятался в кустах, затаился... Второй лебедь вернулся через два дня. Спустился на озеро, склонил голову к воде. Выстрел прозвучал в этот же миг. Дядюшка Уртэмэй разделся и медленно поплыл за мёртвой птицей. Может быть, за это мой отец не любил всех Журавлёвых? Они же съели этих лебедей! Обглодали им кости, чавкали, хвалили вкус птицы!.. Зимой того года дядюшка Уртэмэй пошёл на охоту в лес. Ему на спину с высокого дерева прыгнула рысь. Ружьё выпало из рук, достать нож он не успел, большая кошка перегрызла ему горло. Рысь не тронула тело дядюшки Уртэмэя, ушла своей тропой. Нашли дядюшку Уртэмэя только через три дня. Глаза ему закрыть не смогли, лицо было сильно замёрзшим. Так и похоронили с открытыми глазами... В семье Журавлёвых было четыре дочери. Дядюшка Мэркум всегда был хозяином в этой семье. После смерти внука, дядюшки Уртэмэя, он сказал, что нужно отправлять девочек учиться в город. У деревни никакого будущего нет! К этому времени нашего озера уже не было, его унёс чёрный столб. Три старших девочки, одна за другой, уехали в Казань. Учиться!.. Красивые были девочки, быстро вышли замуж, начали рожать детей. Стали городскими жительницами! Сердце дядюшки Мэркума не выдержало, он поехал в город проведать своих правнучек! Девочки жили в разных общежитиях,

поэтому дядюшка Мэркум остановился у нашего писателя Григория Москвина, тот жил своей квартирой. Ночью, перед сном, дядюшка Мэркум очень сильно захотел справить нужду. Ходить в городской туалет он не умел. Не мог себе позволить сесть голым задом на белую чашу. На полусогнутых ногах он выскочил во двор. Зашёл за угол, начал справлять нужду. Сразу же появилась милиция. Вошли в положение, поняли старика, забрали у него половину денег... Полночи дядюшка Мэркум ходил по городу. Наконец нашёл заброшенную стройку, забрался туда. Только спустил штаны, огромная как лев собака бросилась на него. Дядюшка Мэркум еле унёс ноги. Сел на автобус и с перепачканными штанами вернулся в деревню. Младшая дочь Нэчтук, он сказал, останется в деревне. В город не пушу! Его покорная невестка тётушка Палукай безропотно согласилась. Других парней, кроме меня, поблизости не было. Они предложили мне жениться на Нэчтук... В моей жизни было три Нэчтук. Маленькая Нэчтук. Мы росли с ней вместе. Ходили из дома в дом, играли, катались на санках. Нам было весело и хорошо. Однажды, когда мы летом купались в озере, я увидел то, что находится у ней между ног, её письку... Меня как молнией пробило. Все скалось в груди и во всех других местах. Я сразу убежал домой и спрятался в бане. С того дня я вычеркнул маленькую Нэчтук из своей жизни. *(Переводит дыхание.)* Вскоре появилась в моей жизни вторая Нэчтук. Мы учились с ней в одной школе, сидели за одной партой. Я не мог толком запоминать урок, потому что всё время думал о том месте, которое находится у Нэчтук между ног. Разговаривать с ней я тоже не мог, потому что мой голос дрожал и выдавал меня. Я понял, что эта вещь между девичьих ног является самой важной и нужной вещью в мире. Однажды я перелез через забор к Журавлёвым и спрятался в крапиве за их нужником. Щели нужника были широкие и я многое мог там увидеть. Я просидел несколько часов, весь обжёгся крапивой, но услышал шаги, которые шли к нужнику. Я прижался лицом к вонючим доскам нужника. Открылась дверь, брызнул свет и появилась тётушка Палукай, мама Нэчтук. К счастью, я успел убежать и не видел, что она там делала... Мы выросли. Появилась третья Нэчтук. Я уже точно знал, что находится у Нэчтук между ног. Но это место у неё для меня было недоступно, поэтому появилась Анфиса. Я успокоился... Вскоре умер отец. Я остался один... В один из дней пришли дядюшка Мэркум и тётушка Палукай. Я сразу же согласился!

Микулай бежит в сторону своего подворья, забегает в дом.

— У меня был вот этот магнитофон! Песни на английском языке! Сильная мода была! Я выучил одну песню! К девушкам надо идти с гармонью и с песней! Я уже знал это! Отец! Я пошёл к Журавлёвым!..

Микулай выбегает из дома, снова бежит к Журавлёвым. Встаёт перед воротами, играет на гармонии, поёт песню «Yesterday». Коряво, но с душой.

— Много ли надо, чтобы вскружить невинной девушке голову! Одной песни достаточно!.. Скоро мы поженились, была свадьба. Начали жить в нашем доме. У Нэчтук между ног было не так сладко, как у Анфисы, но в моей душе появилось что-то другое, это было желание иметь ребёнка! Болезнь инурез сразу кончилась. Я мог идти в армию. Но я уже не хотел в армию, я ждал ребёнка! Вскоре у Нэчтук появился животик, который рос с каждым днём. Я совсем забыл об Анфисе. Кажется, она к этому времени уехала в Казань. Я день и ночь работал в колхозе, было большое стадо, я зарабатывал денег! Вскоре родился сын! Я потерял голову от счастья! Поехал в Казань и купил своему сыну железную дорогу, с паровозом, с вагонами! Через день наш сын умер. Ни один врач не смог объяснить причину... Я вспомнил свою бабушку Уксину. Она говорила, что никогда нельзя слишком сильно радоваться. От излишней радости

и давление растёт и даже сердце может разорваться... Мы с Нэчтук были вместе, поэтому вскоре у неё снова появился животик. Я старался не радоваться. Наш второй мальчик прожил всего одну неделю. После этого я не радовался вообще. Третьего ребёнка мы ждали со страхом. Наш страх оправдался. Третий ребёнок умер через десять дней. А ещё через день Нэчтук повесилась. У себя в бане... Не в нашей бане, а в своей. Она висела с закрытыми глазами... Если бы не я, она бы не повесилась... (Пауза.) Три года я создавал эти фигуры... Три года я готовился к этому рассказу. Но моей душе не стало легче! Я хочу слышать человеческий голос!

Микулай бежит в сторону своего дома, забегает на своё подворье. У него начинается истерика.

— Я всё время говорю и говорю, потому что я боюсь, что я забуду человеческую речь и мой язык отсохнет! Но я должен слышать голос живого человека, иначе мои уши перестанут слышать! Я больше не могу так жить! Мне надо уехать отсюда! Нет больше деревни Сарсаз Кюл! Есть только Сарсаз, только жёлтая глина! (Берёт в руки плетё, пытается щёлкать, ничего не получается.) Где люди! Где стадо, где лошади, коровы, быки! Кого я здесь пасу? Бедную козу? Кур? Я ещё живой, я человек! Я хочу, как все живые, слышать звуки машин, голоса людей, детский смех! Я хочу говорить день и ночь по сотовому телефону, сидеть в интернете! Я хочу ходить в кино! Я больше не могу слышать только пение птиц! Уезжаю! Сегодня же! В Казань! Устроюсь на работу, дадут комнату, буду жить! Потом найду Анфису! Сын у меня есть! Всё будет хорошо!.. Надо собираться! Надо быстро собираться. (Задумался.) Так, коза... Я не могу оставить её здесь. Она столько лет кормила меня. Я жил на деньги от продажи молока и творога! Отведу её в район и продам! Нет, я подарю её какому-нибудь хорошему человеку! А куры? Они тоже кормили меня! Кур тоже подарю! Унесу из дома всё, что смогу! Надо быстрее в город, в Казань!..

В небе слышен звук самолёта. Микулай садится на скамейку. Над ним пролетает один самолёт. Сразу же за ним второй. Микулай успокаивается.

— Восьмой пролетел... Девятый... Самолёты возвращаются... Если я уеду, кто будет зажигать ночью эту свечу?.. Если ночью лётчик не видит на земле ни одного огонька, он сбивается с пути. Об этом Антуан Экзюпери написал в своей книге. Во всей округе, на десятки километров, не осталось ни одного человека, ни одного огонька ночью... Самолёты будут сбиваться с пути и не долетят до своих аэродромов. Лётчики привыкли видеть мой огонь... Нельзя уезжать отсюда, Микулай... Ты должен ночью зажигать свечу...

Микулай проходит в дом, садится напротив фигур отца и матери. Он медленно рассуждает.

— Я понял, почему наши с Нэчтук дети умерли... Кто-то совершил большой грех. Нет, не мама, она была верна отцу... И не отец, он был всегда верен мне... Но Портновы и Журавлёвы много веков жили по соседству, через забор... Мужчины уходили на войну, женщины оставались... Кто-то когда-то перелез через этот забор и совершил грех. Отец! Может быть, ты знал это и за это ненавидел Журавлёвых? Если бы ты был жив, ты не дал бы жениться мне на Нэчтук! Мы с Нэчтук были кровными родственниками, поэтому не могли иметь детей. Нельзя жениться на девочках из соседнего дома. Даже с соседней улицы нельзя. Жену надо выбирать подальше от своего дома, лучше даже у другого народа... А как же Анфиса?.. Все хорошо, её мама приехала к нам откуда-то издалека. Видать, она тоже гулящей была, не знала отца своего ребёнка... (Пауза. Сосредоточенно думает.) Темнеет... Пора зажигать свечу...

Микулай выходит на подворье. Подходит к большой свече, поднимается по лесенке, поджигает фитиль. Свеча разгорается, ярко светит.

— Какие чёрные тучи... Без дождя сегодня не обойдётся... Десятый самолёт ещё не вернулся. Как они только летают в такую погоду?..

Начинает идти дождь. Микулай заходит в дом, надевает армейский брезентовый плащ с капюшоном, выходит на подворье, спешно прячет вещи от дождя в сарай. Дождь усиливается. Микулай бежит по двору, поглядывая на горящую свечу.

— Льёт как из ведра! Давно я такого дождя не видел!

Огонь свечи начинает уменьшаться. Микулай останавливается перед свечой. Огонь гаснет. Дождь льёт сплошным потоком.

— Десятый самолёт ещё не вернулся! Лётчик ничего не видит! Нужен огонь! Где-то был факел! Он в бензине! Горит даже под водой!.. Мне нужен факел! Лётчик потерял дорогу!..

Микулай мечется по двору. В сарае находит факел, поджигает его. Факел горит ярким огнём. Микулай размахивает факелом и кричит:

— Я здесь!.. Я живой!.. Летите сюда, летите!..

Очень низко, прямо над землёй пролетает самолёт. Микулай опускает факел.

МИКУЛАЙ. Это десятый... Люди возвращаются домой.

Микулай втыкает факел в землю. Садится на скамейку, опускает голову, накрытую капюшоном. Похоже, что он засыпает. Дождь идёт с невероятной силой, сплошной стеной. В какой-то момент, с неба вместе с дождём начинают падать лягушки, рыбы, тритоны, маленькие черепашки, птицы...

Так продолжается до самого утра. Микулай спит.

Дождь заканчивается. Наступает утро. Факел постепенно потух. Ярко светит солнце. В возродившемся озере громко квакают лягушки, тритоны поют свои песни. Микулай медленно просыпается, кругами ходит в плаще по подворью.

— Я вспоминаю... Эти звуки... Многие люди говорят о рае. А я там уже был. В своём детстве, когда слышал эти звуки... Озеро вернулось! Озеро вернулось, Микулай!.. Надо ехать в Казань! Нужно звать людей! Озеро вернулось. Надо собираться! Коза потерпит, подою её перед выходом...

Микулай заходит в дом, снимает плащ, сушится. Он сдерживает свои эмоции, боится радости. У него всё валится из рук. Он подходит к зеркалу, смотрит на себя.

— Нужно скорее в город! Я буду продавать дома! Если никто не купит, буду дарить, у меня же их много! Первым делом нужно найти Анфису и моего сына. Они должны быть здесь, со мной... (Глядя в зеркало.) Нельзя ехать в таком виде! Анфиса может не узнать меня!..

Микулай бежит по дому, роняет вещи. Находит ручную машинку для стрижки, безопасную бритву. Выходит на улицу, к уличной раковине с маленьким зеркалом. Стрижёт себе волосы ручной машинкой, наголо. Бреется. Режет подбородок, прилепляет к ранкам кусочки ваты. Горопится.

— Всё будет хорошо, Микулай! Начнётся новая жизнь! Привезём молодого попа, откроем церковь! Школу откроем, детей же будет много. Учителя приедут из Казани!

Ферма будет, много скота, я буду работать пастухом! Григорий Москвин вернётся, будет писать свои книги! Я ему подскажу, как нужно писать... Я же знаю... И Журавлёвы все вернуться! У них детей много! Самое главное, у нас есть теперь озеро! Лягушки, рыбы, черепахи, всё есть! Теперь заживём! Анфиса вернётся, с сыном, с моим сыном!.. Только не радуйся сильно, Микулай... Спокойно, спокойно... Нам дюже радоваться нельзя...

Микулай добривается, смывает с лица остатки пены. Бежит в дом, находит в шкафу белую рубашку, надевает галстук, примеряет костюм отца. Оказывается, он сильно мал ему, пуговицы не застёгиваются на груди. Остаётся в костюме, стоит перед зеркалом. Обильно брызгается одеколоном. Лысый, с кусочками ваты на лице, смешной.

— Все будет хорошо, Микулай... Построим новый клуб... Откроем магазин... Анфиса будет продавщицей... Мои уши хотят слышать слово «отец», мой рот хочет сказать «сынок», «доченька», «жена»...

Микулай замирает, держится за грудь.

— Что это такое? Как будто горячая струя внутри меня... Поднимается вверх... Никогда в жизни такого не было... погоди, Микулай, погоди... Отец иногда пил какие-то таблетки... Нужно их найти... Они где-то здесь...

Микулай рыскает по полкам, роняет всё содержимое на пол. Находит пузырёк с таблетками. Спешно проглатывает одну. Ждёт.

— Вот... Сразу стало легче... Всё будет хорошо, Микулай... Здесь будет настоящий рай... *(Выпивает вторую таблетку, затем третью, четвёртую.)* Вот сейчас совсем хорошо... Сейчас я соберусь и поеду... Я поеду в город... К Анфисе и сыну...

Микулай находится в сомнамбулическом состоянии. Он медленно перемещается по дому, словно не находит себе места, отступает. Подходит к скамейке, где сидят фигуры отца и матери. Он садится между ними, долго ёрзает, не может найти удобную позу. Наконец его голова располагается где-то между животом и грудью матери. Микулай замирает с улыбкой на лице и широко открытыми глазами...

Через несколько мгновений раздаётся громкий щелчок, в доме загорается свет, светятся все лампочки. Включается катушечный магнитофон. Звучит песня «Yesterday» в исполнении Пола Маккартни. Запись очень плохая, с шипением и гулом. Во всех домах деревни загораются огни, оживают лампы уличного освещения. Дом Анфисы украшен иллюминацией, всё светится, играет разными цветами. Возле дома фигура Анфисы с ребёнком в руках. Перед воротами Журавлёвых гудит игрушечный паровоз и начинает двигаться по кругу. За ним ползут пассажирские вагоны, внутри вагонов горят жёлтые огоньки...

Где-то далеко слышны звуки больших грузовых машин...

Колокольный звон.

Неожиданно песня обрывается, слышны какие-то звуки. Затем голос дядюшки Вэчли, отца Микулая.

— Микулай!.. Микулай, сынок!.. Хватит тебе всякую белиберду слушать!.. Я тут по ошибке что-то нажал... Ложись спать, сынок, идём! Рано утром надо стадо пасти!.. Кассета в магнитофоне продолжает крутиться. Тишина.

ЗАНАВЕС

